Marina Valencova – filologinių mokslų kandidatė, RMA Slavų tyrimo instituto mokslo darbuotoja, žurnalo „Slavovedenie" redakcijos kolegijos narė.
Moksliniai interesai: etnolingvistika, slavistika, slavų lingvistika, slavų mitologija, slavų folkloras, Karpatų-Balkanų tyrimai.
E-mail: mvalent@mail.ru.

Marina Valentsova: PhD in Slavic philology, research fellow of the Department for ethnolinguistic and folklore, Institute for Slavic studies RAS, Moscow.
Research interests: ethnolinguistic, Slavic studies, Slavic linguistics, Slavic mythology, Slavic folklore, Carpathian-Balkan studies.
E-mail: mvalent@mail.ru.

Марина Валенцова
Институт славяноведения РАН

МОРЕ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН (ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Anotacija
Paprastas ir iš pirmo žvilgsnio nekeliantis klausimų žodis *jūra*, turintis indoeuropietiškas paraleles su praktiškai vienintele reikšme „jūra", pasirodo esantis ne toks vienareikšmis. Lingvistiniai ir etnolingvistiniai, taip pat ir folkloriniai slavų tradicijų duomenys leidžia traktuoti žodį *море* slavų kalbose ir dialektuose kaip vandenį apskritai, taip pat kaip plačius vandens plotus, neatsižvelgiant į druskingumą, pratekėjimą ir kitas vandens savybes. Be to, tokia pat semantika būdinga visiems indoeuropiečių (ir daugeliui neindoeuropiečių) žodžiams su šaknimi **mar-/mor-*. Tolesnes tyrimo perspektyvas galima sieti su indoeuropiečių žodžių su šaknimi **mar-/mor-* analize, tiriant jų semantiką, motyvacinius ryšius ir etimologiją, taip pat kitų leksemų, reiškiančių 'jūra', tyrimu, jų atsiradimo ir išlikimo indoeuropiečių kalbose analize, kitais diachroninio tyrimo uždaviniais.
PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: etnolingvistika, slavų kalbos, slavų tradicinė kultūra, konceptas jūra, indoeuropietiškos paralelės.

Abstract
Simple and clear at the first glance, the word *sea*, having Indo-European parallels which have practically the only meaning 'sea', on a closer examination turned out to be not so clear. Linguistic and ethno-linguistic, including folklore, data of Slavic traditions make it possible to interpret the word *sea* in Slavic languages and dialects in the sense of 'water' in general, and especially – the vast expanse of water – regardless of salinity, flowage and other properties of water. Moreover, the same semantics are characteristic of many, if not all, Indo-European denominations of the sea, and many words of non-Indoeuropean languages as well. Aspects of future studying of this topic can be seen in the explanation of other words with root **mor-/mar-*, identification of their semantics, motivational relations and etymology, as well as other lexems, denoting the sea, the causes of their emergence or preservation in i.-e. languages and solving a number of other problems of diachronic aspect.

KEY WORDS: ethnolinguistics, Slavic languages, Slavic traditional culture, concept sea, indoeuropean parallels.

DOI: http://dx.doi.org/10.15181/rh.v18i0.1235

Этнолингвистические исследования предполагают изучение соотношения и взаимодействия языка и культуры, языка и мышления, языка и картины мира. В центре внимания, тем не менее, остается язык во всех его аспектах – диалектологическом, этимологическом, семасиологическом, историческом и т.д. Поэтому, чтобы понять, что значит *море* для славян, логично обратиться сначала к слову: какова семантика слова *море* в разных славянских языках и диалектах и какие другие слова могут иметь значение ‘море’.

Нас будет интересовать как собственно лексическая семантика, так и коннотативная семантика, т.е. область «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и т.п. «созначений», актуализирующихся лишь в особых периферийных, вторичных, поэтических, метафорических и др. «непрямых» употреблениях слова» (Толстая 2008, 248). Такой подход включает исследование также «языковой картины мира», а задачей целостного описания является «выявить внутренние связи между всеми уровнями значения, раскрыть логику того «образа», который закреплен за словом в сознании носителей языка (Толстая 2008, 248–249). Для выполнения этой задачи необходимо также обращение к традиционной культуре славян и сохранившимся в ней контекстам.

Значение ‘<u>море</u>’ представлено во всех славянских языках и диалектах лексемами с корнем **mor-*: ст.-слав. *морѥ*, др.-рус. *море*, рус. *море*, ст.-укр. *морє*, укр. *море*, ст.-бел. *море* , бел. *мора*, бел. диал. *мóрэ*, ст.-пол. *morze*, пол. *morze*, пол. диал. *moře*, *mᶜoᵉže*, полаб. *moráy*, кашуб. *mæře*, *mořulko*, в том числе *V'elġe (Wielkie) moře*, *Vjelǯè mæře*, *Długie Morze* ‘Балтийское море’, словин. *mᶜoře*, *moře*, ст.-чеш. *moře*, чеш. *moře*, в.-луж. *morjo*, в.-луж. диал. *morje*, ст.-н.-луж. *mórje*, *mohrjo*, *more*, н.-луж. *móŕe*, *móŕo*, словац. *more*, словац. диал. *morie*, *mor(i)o*, *moro*, словен. *morję̂*, *mórje*, *mǫ̑rje*, *mûərję*, ст.-серб.-хорв. *море, морје*, серб.-хорв. *мо̑ре*, *мо̀ре*, серб.-хорв. кайкав. *мо̀ре*, *morje*, болг. *морé*, болг. диал. *мóре, мурé (мóри)*, *мурйé*, *мóрйе*, макед. *море*. Большинство из них имеют также переносные значения ‘большое количество чего-л., множество’, ‘обширное пространство’.

Кроме того, в ряде славянских диалектов у этого слова представлено значение ‘<u>озеро</u>’, ‘<u>пруд</u>’, ‘<u>болото</u>’: др.-рус. ‘озеро’, включая словосочетание *Море Чудское* ‘Чудское озеро’ (ЭССЯ 19, 228, 229; Фасмер 2, 654), рус. ‘озеро’ (Фа-

смер 2, 654), включая диал. олон. *море* ‘Онежское озеро’ (ЭССЯ 19, 228), *морцо* ‘озеро, образуемое расширением рукавов в устье реки’ (ЭССЯ 19, 229), рус. диал. ‘место с чистой водой в заросших камышом озерах’ (урал.), ‘о луже на полу’ (пск., твер.) (ЭССЯ 19, 228); укр. ‘очень большой искусственный водоем’ (ЭССЯ 19, 228); бел. диал. могилев. *Бабина мора* (микротопоним) ‘озеро, заросшее травой’ (СММ, 19); ст.-пол. ‘озеро’ (ЭССЯ 19, 228), пол. диал. *moře* ‘большой водоем’ (ЭССЯ 19, 228), пол. краков. *morskie oko* горное озеро’ (Kolberg 1874, 4; SSSL 1999, 390), кашуб. *mořulko* ‘большое озеро’ (Sychta 1969, 115), а также *moras* ‘болото’ (Sychta 1969, 107), *morzkula / morzkulica* ‘болото, торфяник’ (SSSL 1999, 382), *mořińc* ‘большая лужа из помоев’ (Sychta 1969, 115) и локальные имена собственые озер: *Mořëčė* ‘название маленького озера между Линией и Закшевом’, *Mořńica* ‘название озера под Пшеточным’ (Sychta 1969, 115), *Morzycz*, *Morzycze* ‘название озера в повяте Вейхеровском’ (Berka 1891, 67), словин. *mцoře* ‘большое озеро’ (ЭССЯ 19, 228); в словацком диал. *morské oko* ‘небольшое горное озеро’ (ледникового происхождения) (ЭССЯ 19, 229); ‘топкое, влажное место, болото или источник вблизи ключа’, ‘горное озеро’ (SSN 2, 591), серб. диал. *мо̏ро* ‘озеро’ (ЭССЯ 19, 227).

«Пресноводные» значения можно видеть также в русской пословице: *На то и щука в море, чтобы карась не дремал*, где речь идет об озере, поскольку щука и карась – пресноводные рыбы (ЭССЯ 19, 229), и в кашубской поговорке: кашуб. *Moře ʒis žab’ėцo mëdla narob’ilo* [море сегодня жабьего мыла нанесло] (Sychta 1969, 110) – так говорили при виде морской пены на берегу после бури на море, хорошо при этом осознавая, что жабы в море не живут.

К этой же семантической сфере принадлежат и специальные контексты употребления лексемы *море*, такие как приветствие женщине, доящей корову, означающее пожелание больших удоев, обилия молока: рус. диал. *мóре под кормилищу* (*под кормилицей*) (екатеринб., перм., свердл.), *Мóре под корову* (*коровушку, под коровушкой*) (новгор., волог., онеж., яросл., перм, ср.-урал., сиб., иркут.), *Мóре под матуху* (свердл.) (СРНГ 18, 261), рус. вятск. *море молока* и *море под корову* (ОСВГ 6, 75) – с учетом того, что *молоко* в славянской культуре символически связано с дождем, росой, пресной водой (см.: Толстая 2004, 284–288).

О неразличении в культурном контексте моря как соленого и несоленого водоема свидетельствуют легенды о затонувшем городе, о затонувших колоколах и кладах: на севере Кашубии предание повествует о старом городе Геле и действие разворачивается на море (Sychta 1969, 112), в то время как у восточных славян города в легендах погружаются в озера (ср. рус. град Китеж, опустившийся в озеро Светлояр).

Этимологи возводят слав. **mor-je* к и.-е. корню **mōri* /**mari-*, основывая свои выводы на сходном корпусе славянских и индоевропейских (и.-е.) соответствий (иногда с привлечением также неиндоевропейских языков). Все же в этимологических словарях отдельных славянских языков есть и различия, которые касаются предлагаемых этимонов реконструированного индоевропейского слова, широты охвата иноязычных параллелей, трактовки первичной семантики слова.

Праславянское слово реконструируется как: **mor'e* (ЭССЯ 19, 229), **morje* 'водный простор; море' (ЭСУМ 3, 513), **morje* 'море' (ЭСБМ 7, 67–68), **more* 'море' 'внутреннее озеро' (Šuster-Ševc 1984, 951), **moŕe* (Bezlaj ESSJ 2, 195), **morje* (Skok 2, 454–456), **marje* (БЕР 4, 240–241).

И.-е. слово реконструируется как *mori,* **mōri* 'море' (герм. 'стоячая вода') (ЭССЯ 19, 229), **mŏ̄ri* 'море, болото' (ЭСУМ 3, 513), **mari* 'море, стоячая вода' (ЭСБМ 7, 67–68), **mari* (Machek 1957, 374), **mōri-* 'море, стоячая вода' (Bezlaj ESSJ 2, 195), **mari* (Skok 2, 454–456), **moryo-* и **mori*, при этом «обычно реконструируемая праформа **mari* или **məri-* на основе лат. *mare* 'море'» считается ошибочной, т.к. лат. *mare* предполагается заимствованием (БЕР 4, 240–241), возводится к **mor- (mer-)* 'dunkler Fleck (темное пятно)', или, точнее, **mer-* 'сверкать, пестрить, рябить, мигать' (Šuster-Ševc 1984, 951), древним и.-е. значением слова *море* признается 'болото' (Фасмер 2, 654–655).

При реконструкции учитываются индоевропейские параллели: лит. **mãrios, mãrės* 'Куршский залив', жем. также 'море, Балтийское море', др.-прус. *mary* 'залив', латыш. *mare, maŗa* 'то же', гот. *marei* 'море', др.-в.-нем. *meri* 'море', ирл. *muir* 'то же', лат. *mare*, а возможно также др.-инд. *maryādā* 'берег моря' и с другой ступенью чередования гласного: др.-в.-нем. *muor* 'лужа, болото', англос. *mór* (ЭССЯ 19, 229), к ним добавляются: др.-в.-нем. *mari* 'море', др.-англ. *mere* 'море', н.-в.-нем. *Meer* 'море', *Moor* 'болото' (ЭСУМ 3, 513); др.-фриз. *mâr* 'ров, пруд': н.-в.-нем. *Marsch* 'заболоченная низина', хет. *ma(r)-*, *marra* 'болото' (Фасмер) (ЭСБМ 7, 67–68); англосакс. *mōr*, др.-в.-нем. *muor* 'болото, грязь; море', *salz-muorra* 'Salzsumpf (соленое болото, грязи)', др.-инд. *márici-*, *marici* 'сияние, мираж' (Šuster-Ševc 1984, 951); др.-в.-нем. *mari, meri*, др.-англ. *mere* 'море, озеро', бретон. *mor* 'море', хет. *marmarra-* 'болото' (БЕР 4, 240–241), а для сравнения еще: кавказ. *mere*, *merede*, *morevi* 'вода, озеро' и под., монг. *mörö* 'большая река' (Skok 2, 454–456).

Этимологические словари предлагают разные гипотезы развития семантики индоевропейского и праславянского слова. Например, ЭССЯ приводит гипотезу А. В. Исаченко, который, ссылаясь на предположения

С. Файста и Х. Краэ, считал, что слово **mari-*, **mōra* обозначало раньше в германских языках не ‘море’, а ‘стоячую (пресную) воду, болото, болотистое место’, что подтверждается и славянским материалом; далее отсюда делается вывод о том, что и.-е. слово (и его соответствия по языкам) возникло еще до периода великих миграций, т.е. до знакомства наших предков с открытым морем. В то же время ЭССЯ признает обе возможности: и семантический переход значения ‘болото, стоячая вода, озеро’ в значение ‘море’, и своего рода деградацию первоначальной семемы ‘море’ (ЭССЯ 19, 229). Вацлав Махек тоже, соглашаясь с Т. Милевским, признавал рассматриваемое слово субстратным «потому что праиндоевропейцы моря не знали» (Machek 1957, 374). Франце Безлай ссылается на выводы Ф. Шпехта, что слова для обозначения моря восходят к и.-е. **mor-(u-)* ‘темный цвет’, греч. *μόρυχος* ‘темный’, лит. *moraĩ* (pl.) ‘плесень’, однако далее его сравнивают с кавк. *mere*, *merede*, *morevi* ‘вода, глубина, озеро’, монг. *mörö* ‘большая река’ (Bezlaj ESSJ 2, 195). Авторы белорусского этимологического словаря также поддерживают гипотезу Ф. Шпехта (ЭСБМ 7, 67–68). В сербско-хорватском этимологическом словаре Петара Скока признается вероятным, «что и и.-е. *mari*, и праслав. *morje* относилось к Балтийскому морю, на котором формировались поморяне»; отмечается, что из других индоевропейцев это слово есть у германцев, италийцев, кельтов, тогда как остальные имеют совершенно другие слова (напр., греки). «Это могло бы означать, что за время своих первых миграций дорийцы на западе и индоарийцы на востоке не унаследовали из и.-е. прародины единое слово для этого понятия, а позаимствовали его от народов, к которым они пришли на новую родину. Италийцы, кельты, германцы и славяне, напротив, пронесли за время своих миграций название Балтийского моря (у Парфирогенетов – темное море) и перенесли его на новое море, которое узнали. Поэтому и Ядран называется только *море* (Skok 2, 454–456).

Таким образом, остается нерешенным вопрос о форме и первичном значении не только индоевропейского, но даже и праславянского слова, в том числе направление его семантического развития: было ли первичным значение ‘море’, расширившее значение до обозначения любой большой водной поверхности, включая ‘озеро, пресный водоем’, или наоборот, первоначальным было значение для пресных вод, су́женное затем только до называния соленых морей. Несомненно, этот вопрос связан и с вопросом об ареалах формирования и первичного расселения славян и индоевропейцев в целом, а также путях их расселения в Европе.

Более глубокому и адекватному пониманию языковой семантики, которая «самым непосредственным образом связана с «языковой картиной мира»

(Толстая 2008, 250) способствует обращение к духовной культуре славян, сохранившей в том числе архаичные представления народа о мире. Исходя из понятия, или образа, концепта, применяя индуктивный путь анализа, будет возможно приблизиться к языковым формам их выражения (ср. [Толстой 1968]).

В настоящее время во многом облегчает работу в этом направлении пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (1995–2012) под общей редакцией Н. И. Толстого. В словаре описаны практически все значимые концепты традиционной народной славянской культуры, а также праздники, обряды, обычаи, семантические оппозиции и т.п.

Отдельная статья в словаре посвящена *морю*, которое описывается отчасти как реальный, но более как нереальный, мифический локус. Это и изначальная субстанция, откуда произошла жизнь, откуда вытекают реки и куда они же впадают, куда отлетают птицы на зимовку, откуда аисты «вылавливают» детей, куда отсылают болезни и демонов, где спасается от преследований черт, и т.п.: «Море – в мифопоэтической традиции славян первичная и вечная природная стихия; символ безграничного пространства, отдаленного от людей края земли; мифологизированный водный источник («отец» всех рек, озер и ручьев); чужой, опасный мир, граница между «тем» и этим светом» (Белова, Виноградова 2004, 299).

Образ моря значим в народных этиологических легендах о происхождении мира, в заговорах, где оно предстает то как божественный локус, откуда происходит исцеление, то как «пустое» пространство, куда отсылаются болезни; в сказках, где море является границей между миром людей и «тем светом», где живут Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и др. чудища заморские; в поверьях, где море – место пребывания духов, «хозяина моря», хтонических животных.

По народным верованиям море и небо «образуют единое космическое пространство», в море Солнце опускается каждый день и из-за моря показывается. Это символ необычного, чудесного мира, где живут колдуны и странные народы.

В фольклорных текстах (в свадебных, лирических, заговорных) «синонимом моря часто выступают большие реки» (Дунай, Днестр, Висла); озера, болота (Белова, Виноградова 2004, 299–301).

Материалы из польского «Словаря народных стереотипов и символов» под ред. Е. Бартминьского дополняют и конкретизируют эти данные польскими материалами (в разделе *Morze* «Море» без малого 40 страниц, s. 381–417): «Море взаимозаменяется с озером и *дунаем*. Это большая вода, в которой плавает земля и в которой купается солнце (SSSL 1999, 381). Название

morze родственно *moras* ‘болото’, *morzkula* / *morzkulica* ‘болото, торфяник’, *morzyńc* ‘большая лужа помоев’, именами собственными озер *Morznica*, *Morzëczė*, *Morzyca*, *Morno*, *Morąg* (SSSL 1999, 382). В космогоническом порядке море трактуется как существовавшее всегда: «До сотворения мира не было ничего, только небо и море», отсюда берет начало словосочетание *вечное море*. Согласно восточнославянским мифам (известным также и восточным народам) Бог сотворил сушу из земли (песка), который черт достал со дна моря (по библейскому рассказу сначала Бог создал море). Море считается отцом рек; все реки мира вытекают и впадают в море. В Кашубии Жарновецкое озеро называется также «Дочерью Моря» (*Córka Morza*) (SSSL 1999, 384).

Земля плавает на поверхности моря: «И появилась земля, как лепешка, плавающая по воде, берега которой окружало *вечное море (wieczne morze)*. Люди потому знают, что где бы ни начали рыть колодец, везде найдут воду. Кроме того, на земле есть бездонные озера – *morskie oka* «морские очи» (краков.) (SSSL 1999, 390; Kolberg 1874, 4).

Синонимами *моря* в песнях и в народных текстах является *озеро*, *пруд*, *река*, *дунай* / *Дунай*, *висла* / *Висла*, «что также объясняется пониманием моря как любой большой воды, а не только воды, обтекающей сушу» (SSSL 1999, 383). С одной стороны, в кашубской песне море называется водой: *bursztynowa woda* «янтарная вода» – по признаку наличия янтаря; с другой стороны в песнях море – *быстрое*, в загадках – *пестрое* (т.е. сверкающее, подвижное, меняющее цвета́), как бы текущее (SSSL 1999, 383).

Не только море, но и Дунай, Висла как конкретные реки тоже обозначают в диалектах и фольклоре любую большую реку и большую воду вообще, при этом имя реки переходит в разряд апеллятивов (пишется с маленькой буквы, становится возможным множественное число: *Na sv́ątėgo Gřegořa jiʒe zëma ... jiʒe V’isła ... jidǫ visłë do mořa* [На святого Григория идет зима... идет Висла... идут вислы в море] (Sychta 1969, 112). Сюда же: стар. пол. диал. ***dunaj***, m – ‘далекая незнакомая река; море’; рус. диал. киров. *дунай* ‘ручеек из-под земли’; укр. *дунай* ‘разлив воды, вообще большое скопление воды’, ‘река Дунай’ (ЭССЯ 5, 156). Здесь надо отметить, что этимологически названия больших рек, протекающих на славянских территориях – *Днепр, Днестр, Дон*, *Дунай* – восходят к иранскому корню *dan-* ‘река, вода’ (с тем же нерасчлененным названием воды).

Море – это большое, открытое пространство, поэтому нередко в текстах выступает в сопоставлении с небом, полем, дубравой (SSSL 1999, 384). Оно настолько широкое, что встречается с небом.

Поэтическая метафора *поле – море* основана не только на широте, но и на волнообразном движении поверхности того и другого, похожести моря на вспаханное поле. У кашубов, например, при множестве глаголов описывающих движение моря (*morze faluje* [волнуется], *są kozelkuje* [кувыркается], *kolibie są* [качается], *jurzi są, juszi są, jutrzi są* [ярится] и др. – Sychta 1969, 110), есть и глаголы *grabelkuje* 'покрывается барашками волн' (< *grable* 'сельскохозяйственное орудие для сгребания сена, зерна...', Sychta 1967, 350), *moře oře al. orëje* 'колышется' (Sychta 1969, 110) (ср.: *orac, ore* 1. 'пахать'. 3. рыбац. 'колыхаться' (Hel), также *orovac* 'волноваться, колыхаться', в том числе 'работать в море до поздней ночи' – Sychta 1969, 333, 335), ср. в этой связи русскую пословицу: *Море наше поле* (о морском промысле) (Даль 1881, 353). Также в одной польской сказке дураки принимают колышущееся поле гречки за море. И наоборот о волнующемся злаковом поле кашубы говорят: *To zbożė tak morzëje* от пол. *morzować* 'волноваться' (SSSL 1999, 382).

Много архаической лексики и архаических представлений о мире сохранилось в заговорах и других магических текстах. Согласно Указателю заговорных текстов восточных и южных славян (Кляус 1997), понятие и слово *море* употребляется в заговорах довольно часто. На море (море / лукоморье / океане) стоит остров / дуб / камень ... там происходит действие заговора. За море отсылаются болезни, в море они пропадают. Значение лексемы *море* в этом случае – нечто обширное, далекое и ирреальное, чужое, находящееся вне человеческого мира. Море означает также другой мир, «тот» свет («...девять мужчин... берут у человека боль, заносят ее за моря, в «пустое место» (Кляус 1997, 53), болезни передаются «старшему черту, чтобы он унес за болота, в «пустое место»; «на море дуб, под ним сидят три девицы. Одна варит вино, другая снимает болезнь, третья отправляет ее на море» (Кляус 1997, 50) и др.

Море в заговорах синонимично реке, водоему, болоту («Болезнь уплывает в море, в Дунай, под камень» – Кляус 1997, 61), в заговорном море живут *щука*, *лягушка / жаба*. Реки вытекают из моря («Водица-царица вытекает с моря...» и др. (Кляус 1997, 65), «Вода выходит с моря, из-под камня» (Кляус 1997, 67). Иными словами, рисуется некое единое водное пространство или, скорее, стихия воды: «На море, на реке ракита...» (Кляус 1997, 28).

Море оказывается изофункциональным также полю – в некоторых контекстах они равноценны, благодаря сближению по значению 'некое широкое, безмерное пространство': «На море, на берегу реки сидит дед. Он ходит по полю и морю...» (Кляус 1997, 43). «*Заг[оваривающий]* встает благословясь, выходит в поле, на море» (Кляус 1997, 58), *заг[оваривающий]* встает

благословясь, выходит / идет на море / в поле / на гору (Кляус 1997, 51, 60, 61); болезни «уносятся с человека за море и поле» (Кляус 1997, 47).

Материалов о *море* в славянских диалектах, поверьях и разных жанрах фольклора значительно больше, но и перечисленных выше достаточно, чтобы сделать некоторые выводы. На основании данных славянской диалектной лексики, этимологических разысканий и фольклорных представления о земной влаге, можно заключить, что слово *море*, а также его производные в славянских языках отражает синкретический концепт воды, водного источника вообще, в который включены в качестве частных значений: ‘море’, ‘океан’, ‘река’, ‘озеро’, ‘залив’, ‘болото’, ‘лужа’, а также метафорические: ‘поле’, ‘луг’, ‘большое пространство’, ‘бесчисленное множество’. Такая полисемия отражает архаические народные представления о том, что это *единая, первичная, вездесущая, вечная вода* – независимо от ее вкуса, цвета, течения, объема – вода, которая омывает сушу, протекает по ней реками, проступает озерами-глазами, просачивается родниками и болотами; все эти воды соединены друг с другом и суть одно и то же *вечное море*.

Вероятно, поэтому у этимологов нет единой точки зрения на этимон для и.-е. корня **mar-/mor-* и на направление дальнейшей мотивации других водных объектов. Учитывая синкретический образ *моря* в славянских языках и культуре, видимо, остается признать, что для этого слова основное и древнее значение – ‘вода’, а семантические модификации (конкретизация) лексемы в каждом славянском языке или диалекте отражают свойства разных источников воды (моря, реки, озера и т.п.), наблюдаемых на территории расселения конкретных племен. Вместе с тем, на основании мифологических представлений, магических текстов и этиологических легенд, сохранившихся в традиционной духовной культуре славянских народов, следует признать раннее знакомство славян с морем как бескрайним водным пространством, омывающим сушу (‘океан, море’). Ср., например, кашубские обозначения озер и залива как «маленьких» морей: *Cȯrka Moŕa* «дочь моря» – ‘Жарновецкое озеро’, ‘Гданьский залив’ (Sychta 1969, 112), *Mȧłė Moŕe*, *Mêłè mœŕe* «малое море» – ‘Гданьский залив’, ‘Пуцкий залив’ (Sychta 1969, 113; SSS 1, 385), ‘Пуцкий залив’ (Ramułt 1893, 106), *Pucke moŕe* ‘Пуцкий залив’ (Sychta 1969, 113) или карпатские названия горных озер как «морских очей» (пол. *morskie oko* – Kolberg 1874, 4, словац. *Morské oko* – SSN 2, 591, 191, болг. *Окото* ‘озеро в группе Бендерских озер в Риле’ (БЕР 4, 844).

Чтобы определить место праславянских диалектов в семье индо-европейских языков и предположительное место формирования славянского этноса, интересно посмотреть на состав и значения слов, обозначающих море, в других индоевропейских языках. По материалам «Словаря избран-

ных синонимов в основных индоевропейских языках» (DSS) видно, что в романских, германских, славянских и балтийских языках представлены или были в прошлом представлены лексемы с корнем **mar-, mer-, mor-*, в том числе наряду с другими корнями (лат. *mare*, фр. *mer*, исп. *mar*, рум. *mare*: ирл. *muir, fairrge, ler*, уэльс. *mor*, бретон. *mor*, гот. *marei*, ср.-сев. (исланд.) *haf*, *sær (marr)*, ст.-англ. *sǣ (mere, hæf)*, ст.-в.-нем. *mari*, *sēo*, ср.-в.-нем. *mer*, *sē*, н.-в.-нем. *meer*, *see* (f), слав. **more*, лит. *jūra (marės)*). Иные лексемы представлены в греческом – *θάλασσα, (ἅλς, πόντος, πέλαγος)*, новогреческом – *θάλασσα, πέλαγος*, санскрите – *sāgara-*, *samudra-*, авестийском – *zrayah-*, ст.-перс. – *drayah-* (DSS, 36).

При этом в большинстве европейских языков наблюдается колебание значений между ‘море’ и ‘озеро’, ‘река’. Например, в ст.-англ. *mere* чаще обозначало ‘озеро’, лишь редко – ‘море’ (DSS, 36). Помимо корня **mor-* в германских языках использовались и другие корни, например: гот. *saiws* ‘озеро’, ср.-сев. *sær (sjār, sjōr)* ‘море’ (дат. *sø*, швед. *sjö* – обычно ‘озеро’, но также ‘море’ в фраземах), ср.-в.-нем. *sē* ‘море’ или ‘озеро’, н.-в.-нем. *see*, f ‘море’, *see*, m – ‘озеро’ (DSS, 37). Семантические колебания свойственны также ново-перс. *Daryā* – ‘море’ или ‘большая река’, санскр. (ведич.) *jrayas-* ‘плоская поверхность’ (DSS, 37), сравнимые с греч. πέλαγος, лат. *aequor*‘уровень, поверхность’ (DSS, 36).

Все это заставляет авторов словаря трактовать *море* как «большой объем воды», отмечая, что «между ‘морем’ и ‘озером’ нет четких различий (ни по размерам, ни по солености / пресности воды), и одно и то же слово или группа родственных слов может служить для обозначения моря или озера в отдельности или для обоих понятий одновременно, или изменять основное значение в соответствии с физическими условиями». Важнейшие для понятия «море» семы, согласно авторам, это:‘глубокий’, ‘уровень’, ‘путь’, ‘сверкающий’, ‘соленый’, или просто ‘вода’. (‘Sea’ is understood here as covering the most general terms applied to large bodies of water and used in such a phrase as ‘by land and sea’. But between ‘sea’ and ‘lake’ there is no rigid demarcation (either by size, or as salt vs fresh water), and the same word or related group may serve for either or both, or shift its prevailing application with changed physical conditions. This is notably the case in the Gmc. languages, with the divergent distribution of the groups represented by NE [new-English – *M. B.*] *sea* and NHG [new-high-Germanic – *M. B.*] *meer*. <...> The words for ‘sea’ reflect such notions as ‘deep’, ‘level’, ‘way’, ‘glistening’ (?),‘salt’, or simply ‘water’ – DSS, 36).

Такая трактовка совпадает с семантикой моря в славянских языках и славянской культуре. Данные DSS, хоть и относятся лишь к избранным языкам, тем не менее указывают на наличие диалектных образований в пра-

индоевропейском, например, группы, объединяющей предков славянских, балтийских, германских и романских языков, диалектное единство которых подтверждает и ряд других исследований.

Литература

Berka 1891 – Aleksander Berka. *Słownik kaszubski porównawczy*. Warszawa: druk J. Jeżynskiego.

Bezlaj 1982 – France Bezlaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Druga knjiga. K–O. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Inštitut za slovenski jezik, Založila Mladinska knjiga.

Brückner 1985 – Aleksander Brückner. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza powszechna.

DSS – *A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages*. A contribution to the History of ideas by Carl Darling Buck. With the co-operation of colleagues and assistants. Chicago & London: University of Chicago Press, 1949.

Kolberg 1874 – Oskar Kolberg. *Dzieła wszystkie*. Tom 7. Krakowskie. Część III. Kraków: w drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Machek 1968 – Václav Machek. *Etymologický slovník jazyka českého*. 2. dopln. vyd. Praha: Československá akademie věd.

Ramiłt 1893 – *Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego*. Zebrał a opracował Stefan Ramułt. Kraków: Akademia umiejętności.

Skok 1972 – Petar Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* / Surađivao V. Putanec. Knjiga druga. K–Poni. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

SSN 2 – *Slovník slovenských nárečí*. D. 2. L–P (*ovzchádzať*). Bratislava: Veda, 2006.

SSSL 1999 – *Słownik stereotypów i symboli ludowych*. Tom I. *Kosmos. Ziemia, woda, podziemie*. Koncepcja całości i redakcja: Jerzy Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Sychta 1967, 1968, 1969 – Bernard Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk. Tom I. A–Ǵ, 1967. Tom II. H–L, 1968. Tom III. Ł–O, 1969.

Šuster-Ševc 1984 – Hinc Šuster-Ševc. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. 13. Mjetło – njedara. Bautzen: VEB Domowina-Verlag.

Vinja 1998 – Vojmir Vinja. *Jadranske etimologije. Jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku*. Knj. 1. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti, Školska knjiga.

БЕР 4 – *Български етимологичен речник*. Том IV. Минго[2]–Падам. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1995.

Добровольский 1914 – Владимир Николаевич Добровольский. *Смоленский областной словарь*. Смоленск: Типография П. А. Силина.

Кляус 1997 – Владимир Леонидович Кляус. *Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян*. Москва: Наследие.

ОСВГ 6 – *Областной словарь вятских говоров*. Вып. 6. М–Н. Киров: Вятский государственный гуманитарный университет, 2011.

Белова, Виноградова 2004 – Ольга Владиславовна Белова, Людмила Николаевна Виноградова. Море // *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н. И. Толстого. В 5 томах. Т. 3. Москва, 299–301.

Даль 1881 – Владимир Иванович Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд. 2. Том 2. И–О. С.-Петербург–Москва: Изд. М. О. Вольфа.

СММ – *Слоўнік мікратапонимаў Магілёўшчыны*. Складальнікі: С. В. Клімуць, В. І. Рагаўцоў, С. У. Шакура, А. М. Шубадзёрава. Магулёў: Магілёўскі дзяржаўны універсітэт імя А. А. Куляшова.

СРНГ 18 – *Словарь русских народных говоров* / Гл. ред. Федот Петрович Филин. Вып. 18. Масленичек–Мутарсливый. Ленинград: Наука, 1982.
Толстая 2004 – Светлана Михайловна Толстая. Молоко // *Славянские древности.* Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. В 5 томах. Т. 3. Москва, 284–288.
Толстая 2008 – Светлана Михайловна Толстая. *Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе.* Москва: Индрик.
Толстой 1968 – Никита Ильич Толстой. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // *Славянское языкознание*: *VI Международный съезд славитсов (Прага, август 1968 г.): Доклады советской делегации.* Москва: Наука, 339–365.
Фасмер 2 – Макс Фасмер. *Этимологический словарь русского языка.* В четырех томах / Перевод с немецкого и дополнения чл.-корр. АН СССР Олега Николаевича Трубачева. Изд. второе, стереотипное. Том II. Москва: Прогресс, 1986.
ЭСБМ 7 – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Т. 7. Мгла–Немарасць. Мінск: Акадэмія навук БССР (Беларусі), Беларуская навука, 1991.
ЭССЯ 5, 19 – *Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Москва: Наука. Вып. 5, 1978. Вып. 19, 1992.
ЕСУМ 3 – *Етимологічний словник української мови.* Т. 3. Кора–М. Київ: Наукова думка, 1989.

Marina Valencova

JŪRA SLAVŲ KALBOSE IR KULTŪROJE (ETNOLINGVISTINIS ASPEKTAS)

Summary

Straipsnyje etnolingvistiniu aspektu analizuojami žodžiai, reiškiantys sąvoką „jūra“ slavų kalbose ir dialektuose, taip pat kultūrinis ir simbolinis jų vartojimo kontekstas.

Visuose slavų dialektuose reikšme „jūra“, kaip vandenyno dalis, vartojama šaknis **mor-* (įvairiausiais fonetiniais variantais, morfologinėmis modifikacijomis, taip pat kaip frazemų sudėtinė dalis). Kartu konkretūs žodžiai su ta pačia šaknimi turi ir kitų reikšmių, pirmiausia – ‘ežeras’, ‘tvenkinys’, ‘šaltinis’, perkeltinės reikšmės – ‘didelis kiekis kažko’, ‘didžiulė erdvė’, ‘laukas’.

Šalia šaknies **mor-* slavų dialektuose fiksuojamos ir kitos leksemos reikšme „jūra“, pirmiausia didelių upių pavadinimai (*Дунай*, *Днестр*, *Висла*).

Skirtingų slavų kalbų etimologiniai žodynai, nors ir remiasi ta pačia slavų ir indoeuropiečių kalbų leksine baze, vis dėlto skirtingai pateikia formaliąją ir semantinę praslaviško žodžio rekonstrukciją, skirtingai traktuoja pirminę žodžio semantiką ir semantinę motyvaciją.

Slavų tradicinės kultūros duomenys – tikėjimai, mitologija, folkloriniai žanrai – parodo tas pačias tendencijas kaip ir kalba. Slavų mitologijoje jūra simbolizuoja pirminę ir amžiną gamtos stichiją, neibaigiančią erdvę, žemės kraštą; svetimą, pavojingą pasaulį ir ribą tarp „kito“ ir šio pasaulio. Liaudies etiologinėse sakmėse apie pasaulio atsiradimą ir užkalbėjimuose ji – kaip dieviškas lokusas,

„tuščia“ erdvė; pasakose – riba tarp šio ir „kito“ pasaulio. Liaudies tikėjimuose jūra ir dangus vaizduojama kaip vieninga kosminė erdvė, tai mitologinis žemės ir dangaus vandens susiliejimas. Folkloriniuose tekstuose (vestuvių, lyriniuose, užkalbėjimuose) jūros sinonimai būna didžiulės upės (*Дунай, Днестр, Висла*), ežerai, tvenkiniai.

Remiantis pateiktais duomenimis (slavų dialektine leksika, etimologiniais aiškinimais ir folkloriniais tekstais), galima teigti, kad žodis *jūra* slavų dialektuose atspindi sinkretinį vandens konceptą, vientisą, pirmykštę, visur esančią, amžiną substanciją – vandens šaltinį apskritai, konkretizuojamą kiekvieno etnoso gyvenamosios vietos teritorijoje kaip „jūra“, „vandenynas‘, „upės“, „ežerai“, „įlanka“, „pelkė“ ir t. t. Šios reikšmės kuria perkeltines metaforines reikšmes – „laukas“, „daug“, „begalinė erdvė“.

Išvadas patvirtina ir pagrindinių indoeuropiečių kalbų medžiaga, kur daugeliu atvejų paliudijama ta pati šaknis **mor-/mar-* ir reikšmės „jūra“, „ežeras“, „įlanka“, „didelė upė“.